

ВИКТОР БРОНШТЕЙН

БРАКОНЬЕРСКИЕ СЕТИ ИНТЕРНЕТА

Тему передачи “Культурная революция” от 28 февраля 2013 года (телеканал “Культура”) её ведущий М. Е. Швыдкой (напомним, что он же является специальным представителем Президента РФ по международному культурному сотрудничеству) обозначил как изначально дискуссионную: “Цифровое поколение” думать не научишь”. Естественно, что и споры здесь разгорелись нешуточные. Диапазон мнений участников передачи о компьютеризации и интернете – от полного отрицания до преклонения и обожествления – можно градуировать по убывающей возраста.

Абсолютно противоположные позиции заняли основные оппоненты: литературный критик, журналист, переводчик, кандидат филологических наук, профессор Российского гуманитарного университета Дмитрий Петрович Бак (возраст 51 год) и писатель, автор 35 книг Дмитрий Алексеевич Глуховский (33 года).

Кроме них, свою точку зрения высказали и другие авторитетные люди: философ и футуролог Д. А. Медведев (33 года); политолог и социолог В. А. Касамара (36 лет); генеральный директор Государственной публичной научно-технической библиотеки России, доктор технических наук, профессор, заслуженный работник культуры РФ Я. Л. Шрайберг (60 лет); кандидат философских наук из Института философии РАН Е. И. Ярославцева (59 лет). Футуролог, в частности, предсказал, что скоро мы все будем ходить с чипами в голове и посредством этих чипов напрямую связываться с глобальной сетью для получения нужной информации. Примечательно, что именно апологеты повальной компьютеризации выказали очень некрасивое отношение к женщине и старшему по возрасту человеку Е. И. Ярославцевой, практически не давая ей говорить.

Что касается основных оппонентов, то на позиции отрицания стоял, разумеется, профессор Д. П. Бак. При этом он сокрушался, что ушла эпоха писем с её многолетними ритуалами: неторопливым писанием и выправлением написанного, хождением к почтовому ящику и долгим ожиданием ответа. Переписку по электронной почте он считает менее одушевлённым занятием. Другой минус профессор гуманитарного университета видит в доступности и обилии информации, когда студент очень быстро может найти взгляды различных учёных на любую проблему и скомпилировать их, практически не читая, тем более не переписывая, и – реферат или доклад готов! Такой способ получения информации – без походов в библиотеку, без поиска нужных книг – он считает губительным для мыслительной деятельности личности: “Человек становится

не человеком, а функцией кнопки, которая находится не в ваших руках. И с этим ничего не поделаешь”.

Автор 35 книг в 33 года, повидавший мир и владеющий пятью языками Дмитрий Глуховский, чьи жанровые предпочтения определяются как альтернативная история, научная фантастика и современная проза, считает, что нет никакой разницы, где сказать сокровенное “Я тебя люблю!” – в сети или на бумаге. По его мнению, поиск информации в книгах, хождение в библиотеку, на почту за конвертом, ожидание письма – для цифрового поколения чистая потеря времени...

“Всё” превращается в “ничто”

Кто прав? По-моему, и оба, и никто! Бесспорно, интернет позволяет намного быстрее бежать по жизни, быть на порядок информированнее того, кто “прозябает” над традиционной книгой или толстым журналом. И знает многое, но о немногом – по сравнению с “интернетным” человеком, который знает обо всём, но так бегло и поверхностно, что это “всё”, с точки зрения зрูดита, превращается в “ничто”.

В плане познания жизни “виртуальщика” и “реалиста” можно сравнить с бегуном и альпинистом. Первый мчится, и окружающий мир (в виде информации) только мелькает перед его глазами: “Летят деревни и сады, // Летят дома, соборы, // Равнины, реки и пруды, // Леса, долины, горы” (Г. Бюргер, “Ленора”). Альпинист же поднимается в гору, и пейзаж перед ним меняется крайне медленно... Но почему он так завораживает? Почему альпинист рискует здоровьем и жизнью, почему для него “лучше гор могут быть только горы, // на которых ещё не бывал” (В. Высоцкий)?

Ох, как много иной успеет пробежать, объехать, облететь, пока другой упорно штурмует Эверест или любитесь неисчерпаемыми оттенками и полутонами моря, подолгу оставаясь на одном берегу, вникая, как писал Г. Гайда, “в ропот деревьев и рокот морей, // в грохот горных лавин...” Так что же лучше? Бежать или восходить?

Что лучше: посетить службу в церкви, помолиться у любимой иконы, помедитировать, позаниматься цигуном, в общем, побыть с собой и Господом наедине или же пообщаться за это время со множеством приятелей в “сети”, пробежать кучу новостей, успеть сыграть в покер и другие игры (в общем, совершить массу “неотложных” дел!)?..

Кто-то, конечно, умудрится успеть и то, и другое. Поэтому не будем гадать, что лучше. Нужны и “бегуны”, и “альпинисты”. Но вся беда в том, что компьютеры наступают на нас такой густой сетью, перегораживая реку жизни от поверхности и до самого дна, что непохожих, сохраняющих свою “альпинистскую” стать, скоро может не остаться вовсе. Ведь редких, нетипичных людей, к сожалению, не заносят в Красную книгу. Их непохожесть на других безжалостно истребляют с раннего детства мелкочейными электронно-браконьерскими сетями.

Бьются с этой беспощадной сетью “последние из могикан”, пытаются пробить её рукописями стихов и прозы, как правило, “деревенской”, а также письмами, телеграммами, открытками, да и простыми записками на клочке обыкновенной бумаги.

Не умирайте же, две тысячи лет прожившие письма, простые карандаши, ручки и чернила! Вы ещё так нужны!

Ведь письмо с его, на первый взгляд, рутинным, неторопливым ритуалом, нешуточным временем ожидания ответа позволяет человеку глубже осмыслить и прочувствовать происходящее, успеть не спеша взойти на свой духовный Эверест. И так во всём. Хочешь в мыслях, в чувствах, да и в страсти подняться выше – не торопись, не разбрасывайся, сосредоточься на одном. Хочешь быть победителем игры “Что, где, когда?”, то есть “знатоком”, как правило, поверхностным? Тренируйся, “бегай” целыми днями по фактам, событиям, новостям, но поймёшь ли ты при этом, что настоящие мысль и чувство, как живое существо, вынашиваются тем дольше и старательнее, чем они сложнее и совершеннее?

Возможно ли представить гениальных Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, А. С. Пушкина часами просиживающими в интернете? А их

персонажей? Какой бы накал страстей был у Дмитрия Карамазова, Татьяны Лариной, Евгения Онегина, если бы человеческие чувства не захватывали их целиком, если бы наши любимые литературные герои общались в ICQ или в “Одноклассниках”, а не вынашивали чувства в своей душе и не лелеяли их, как малых детей.

Выплеснутое зарождающееся чувство или мысль подобны несчастному выкидышу, который уже никогда не сможет дозреть...

Повивальной бабкой человеческих чувств является классическая литература. Но из года в год не без давления отвлекающей и развлекающей электроники идёт упрощение образования, особенно его практической и гуманитарной составляющих. Уже почти не учат стихов, резко сокращено количество авторов и произведений, предназначенных для изучения в школе. В новой программе нет даже Гоголя с его истинно русскими типажам в “Мёртвых душах”, патристическим Тарасом Бульбой, с заворачивающим украинским колоритом “Вечеров на хуторе близ Диканьки”... Исчезают из учебников “Евгений Онегин”, басни Крылова. На смену *homo sapiens*’у идёт безнациональный *global sapiens*. Высокая русская классика ему противопоказана.

Два года назад я написал стихотворение с такими строками:

*Мы с вожделием грызём,
Как в басне, корни у культуры.
Могуч был дуб, но мы дождём —
Крылов писал свинью с натуры.*

*Поэтов русских наизусть
Учили в годы коммунизма,
А нынче, вынув душу, Русь
Хоронят слуги глобализма...*

Теперь можно добавить, что внедряемая ныне система образования вкупе с компьютеризацией отбирает у современного ребёнка не только национальность, но и характер.

Свой почерк

Личность подобна морю, наполняющемуся разными реками и ручейками. Как у каждого моря или озера различается состав воды в зависимости от главных рек, его питающих, так и у каждого человека есть (скоро, возможно, придётся говорить “был”) свой почерк. Специалисты-графологи используют анализ написанного от руки текста в качестве инструмента психодиагностики человека, по почерку они могут нарисовать полный психологический портрет личности, дать исчерпывающую характеристику его наклонностей и характера.

Свой почерк имеет даже печатание на пишущей машинке. О многом говорит и сила, и угол удара, и скорость печати. Компьютер же в этом плане и глух и нем.

В мире всё взаимосвязано. Связь всегда и прямая, и обратная. Думаю, что отработка почерка в детстве в немалой степени формировала и характер подрастающего человека, который, как минимум, был более упорным. Ярче выражалась и индивидуальность ребёнка. Неоспорима также польза для психики детей от развития мелкой моторики, связанной с письмом. Тыканье в клавиши компьютера сопровождается примитивными движениями. Письмо же ручкой, особенно не шариковой, а перьевой, как в нашем детстве, — это совсем другое дело. Мы старательно выводили вначале даже не сами буквы, а отдельные завитки, чередуя толстые и волосяные линии, при этом всё время предохранялись от клякса, обмакивая плавными осторожными движениями ручку в чернильницу, оценивая на глазок объём капли в овале пёрышка, и не менее плавно опускали кончик пера на поверхность листа, регулируя толщину линий силой нежного нажима. Да ещё двигали напрочь забытую сегодня промокашку, держа влажную от старания руку на ней, а не на странице тетради. Насколько эта техника письма сложнее и разнообразней в сравнении с писанием шариковой ручкой, не говоря уже о компьютерной клавиатуре!

Скоро такую экзотическую технику, наверное, будет прописывать психотерапевт для лечения *закомпьютеренных* детей.

Старательное письмо закреплялось в школе и уроками чистописания. Принцип этого урока был “ленинский”: лучше меньше, да лучше. То есть практически это были уроки почти художественной каллиграфии. У нас, например, в классе шло соревнование в красоте написания слов. Лучшие работы демонстрировались на родительском собрании наряду с лучшими рисунками. Это ли не творческий процесс?

Продолжением этой тонкой работы являлись, в общем-то, все уроки “дошариковой эпохи” и в школе, и в институте.

“Дошариковой” я назвал эпоху перьевых ручек с чернильницей или с чернилами внутри ручки для старших детей. И тут же ассоциативно представилась страшная эпоха *шариковых* по Булгакову. Спаси нас, Господи, от их нашествия! Жаль, что признаки приближения этой эпохи становятся всё отчётливей.

Но и во взрослом возрасте письмо ручкой, пусть и шариковой, отличается от бездушного *компьютерописания*. По почерку можно определить настроение близкого человека, его самочувствие, да и отношение к адресату. Не забуду, как обиделась одна моя знакомая, когда в открытке я наспех, некрасиво написал её имя. Особенно неудачной, какой-то хромой была заглавная буква. С тех пор при написании имён я всегда вспоминаю уроки чистописания, чтобы открытка или надпись на книге не вызвали обратного эффекта. . .

И, я надеюсь, не одному мне некоторые письма на бумаге хочется хранить вечно, в отличие от компьютерно-SMS'ных посланий. Да что далеко ходить: какие деньги выкладывают на аукционах за автографы великих людей, и вряд ли кто-то заплатит хоть цент за страничку, набранную ими на клавиатуре!

Но вернёмся к противопоставлению библиотеки и интернета.

Тупик для фантазии

Если речь идёт о быстром поиске информации: дат, событий, новостей, — конечно, удобнее интернет. Если же речь идёт о художественном произведении или серьёзной научной работе, на мой взгляд, нужна только живая книга.

Мир оформления книг разнообразен и часто одушевлён художником. Полиграфия — это искусство. Осязание книги, как и любого предмета, по восточным учениям, очень важно. Не случайно есть отдельные провидцы, которые, взяв в руки книгу или письмо, могут рассказать их содержание. Обычный человек лишён такой способности, но я не могу избавиться от ощущения, что осязание книги, особенно старой, помогает её освоить. Старая книга имеет мистическое значение: её держали и осмысливали единомышленники, радовались и страдали над ней, делали пометки. Старая книга для меня в чём-то сродни намоленной иконе и уже этим отличается от бездушного импортного, устаревающего каждые несколько лет экрана. . . И фонограмма — музыка, да только не та, не живая. Язык не обманешь: неживая — значит, мёртвая. Так и с книгой на экране: она содержательна, но мертва.

Важен и сам ритуал поиска, иногда долгого, и покупки книги. В наше время жгли в очередях ночные костры, чтобы принять участие в лотерее, дающей шанс стать обладателем желанной подписки на собрание сочинений родного классика. Это сродни мучительному ожиданию письма. Какие тайны души открываются в это время, какая “слюна” для переваривания чужих судеб и чувств выделяется в мозговой сфере? Мы не знаем. Но что-то важное происходило: вожденная книга завораживала, и от неё было трудней оторваться.

Даже дети подтверждают, что информация, которую они мучительно отыскивают в энциклопедии, запоминается надолго, в отличие от мгновенно выдернутой из интернет-сети.

Не безобидны и компьютерные игры. Сделаны они так же хитро, как пепси, кола и наркотики: затягивают так, что не выбраться. И время в виртуальном мире, как по Эйнштейну или по прозорливым русским сказкам, течёт с другой скоростью.

В одной русской народной сказке провалился мужик в склеп и был там вроде бы недолго, а выбрался на поверхность и понял, что уже лет сто как прошло: идёт, и всё ему не знакомо. Так и с современниками. Оторвался от игр, глядь — а детство и молодость уже пролетели. И не до семьи, не до ка-

рьеры переросткам, оставшимся в своём личностном развитии на уровне подростков. Для многих и сама жизнь становится виртуальной.

Не сегодня возникла эта ситуация, думали о ней и эмоционально переживали её уже многие и многие родители. И ещё в конце прошлого десятилетия я как отец выплеснул свои опасения в стихотворении “Перегрузка”:

*В сети всемирной молодёжь
Слезу не выкажет берёзки.
Ссудивши души под грабёж,
Теперь мы вечные подростки.
В и-нете мудрость не скачать,
С живым цветком не повстречаться,
Тень состраданья не сыскать,
И всё трудней рвёт сети мать,
Чтоб грудью к первенцу прижаться.*

Опасность современных компьютерных игр ещё и в том, что они уничтожают образное мышление – чахнет без него правое полушарие. Живёт такой человек одной только левой – конкретной, логической половиной мозга. Но, как сказал И. В. Гёте: “Всё сущее не делится на разум без остатка”. Творчество и неразрывно связанная с ним интуиция – прерогатива не одной только логики.

Ещё со своего детства помню я оскорбительное слово “полоумный”. По этимологическому толкованию, оно образовано соединением слов “полый” и “ум”, то есть, полоумный – это человек, имеющий пустой ум. Однако случайной ли является распространённая описка: “полуумный” – то есть имеющий половину ума? Язык ведь развивается, отражая действительность, и как бы эта описка-намёк не стала нормой для характеристики современного поколения с одним развитым полушарием!

Большой простор для фантазии давал ранее “нецивилизованный” городской ландшафт. Это и заросшие травой и кустарником пустыри с оврагами, и бесконечное разнообразие деревянной застройки: непохожие один на другой, со своими мирами дома, окружённые дровяниками, чуланами, кладовками, со своим неповторимым колоритом; до сих пор они питают творчество лучших иркутских живописцев.

Немудрёные игрушки, карандаши, пластилин, а иногда и глина занимали огромное безэлектронное пространство жизни детей. Как нас волновали непредсказуемостью преобразений белые листы бумаги! А какого рода волнение может испытывать ребёнок, сидящий перед монитором, пространство которого заполняют корысти ради чужие тётки и дяди, причём совершенно конкретным, внешним по отношению к тебе, чужим изображением супермашин и суперлюдей, в одеждах и без, с боями и гонками, эротикой и даже сексом? А лист бумаги ребёнок заполнял сам, оживляя своей фантазией, рисунками, а часто и просто “каракулями”.

Впрочем, каракулями это было для взрослых, разучившихся разгадывать тайны. Для детей же в линиях и цветочных пятнах могло скрываться и сражение на поле брани, и джунгли, и состязания, и образы любимых героев и зверей. Не из такого ли непонятого и таинственного детского творчества вырос, собственно, и золотой, и серебряный век нашей литературы и живописи?

А кого, кроме гениальных биржевых игроков, даст компьютерный век? Большой вопрос.

Об утраченном пространстве для развития фантазии Г. Гайда писал ещё в предкомпьютерные годы:

*Ветер хлопает уличной дверью
И подъездом гуляет всю ночь.
Нелегко городскому безверию,
А в бессонницу — просто невмочь...
Ляжешь поздно — поднимешься рано:
Всё-то непогодь зло веселится.
А в дому ни шестка, ни чулана,*

*Где бы мог домовый поселиться,
Где бы сказка могла завестись....
Ты о чём это, милый? Окстись!
Эра новых свершений грядёт,
Сказку мы воплотим... А куда
Зло юродствующий анекдот
Заменяет и сказку, и чудо.*

1986

Откровенность и “откровенность”

Подростковые и юношеские образы и мечты о любви и любимых также вытесняются бесстыдными в своей откровенности картинами эротики, секса и порнографии на любой вкус, вернее, провоцируя отсутствие любого вкуса.

Да и творчество в широком смысле – а это, по сути, главное в человеке – начинается с развития воображения. Да откуда же ему взяться, если вместо родниковых струй классики ребёнок беспомощно барахтается в сточных водах электронной грязи?

Тысячу раз правы китайцы, запретившие массу интернет-сайтов. У нас и здесь, как в экологии, нет очистных сооружений и фильтров, спасающих от пагубы детские души. Не было в доперестроечной жизни фильмов с пометкой “18+” на телевидении и сайтов “для взрослых”, лукаво вопрошающих: “Исполнилось ли тебе 18 лет?” – в интернете, и меньше было извращений и насилия. Не было никогда оголтелой пропаганды нездоровых однополых отношений, а уж тем более однополых браков.

Как далёк электронный порно-всеобуч от образцов русской классики, на которой познавали тайны любовных отношений мы. Вот как деликатно у Бориса Пастернака в стихотворении “Зимняя ночь” угадывается близость влюблённых:

*...На озарённый потолок
Ложились тени,
Скрещенья рук, скрещенья ног,
Судьбы скрещенья.*

*И падали два башмачка
Со стуком на пол,
И воск слезами с ночника
На платье капал.*

*И всё терялось в снежной мгле
Седой и белой.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.*

Читает юноша эти строки и оказывается в волнующем мире эротических образов. Читатель становится как бы соавтором поэта. У каждого рождаются свои неповторимые картины. Скажем, если обратить внимание на то, что вначале идут “скрещенья рук, скрещенья ног”, а потом падают башмачки, воображению представится не “постельная сцена”, а танго или объятия.

Или у Александра Блока:

*...Ты взмахнула бубенцами,
Увлекла меня в поля...
Душишь чёрными шелками,
Распахнула соболя...
И о той ли вольной воле
Ветер плачет вдоль реки,
И звенят, и гаснут в поле*

*Бубенцы да огоньки...
Золотой твой пояс стянут,
Нагло скромнень дикий взор!
Пусть мгновенья все обманут,
Канут в пламенный костёр!
Так пускай же ветер будет
Петь обманы, петь шелка!
Пусть навек не знают люди,
Как узка твоя рука!
Как за тёмною вуалью
Мне на миг открылась даль...
Как над белой снежной далью
Пала тёмная вуаль...*

У Блока сцена близости описана так же тонко и деликатно. Можно только догадываться, что произошло, и дорисовывать в воображении картины, как при восприятии живописи экспрессионистов, в которой тоже нередко – лишь намёки на действительность.

У Анатолия Передреева об отношениях юноши и девушки сказано всего одной лишь чистой строкой, но читателю становится ясно, что это были не только дружеские отношения:

*...Давным-давно мы навсегда расстались,
О том, что было, не узнал никто...
И годы шли,
И женщины смеялись,
Но так смеяться не умел никто...*

Чтение русской классической поэзии и прозы рождает в душе фантазии и мечты. Именно с них, а не с силиконовых видеоприкрас и начинаются настоящие чувства.

Эпоха сверхпотребления

Мы загнали себя в настолько разнообразный и тупиковый мир потребления тел и вещей, еды и промышленной продукции, что управлять им и ориентироваться в нём уже невыносимо без компьютеризованной армии учётчиков, экономистов, бухгалтеров, финансистов, диспетчеров... Войны также не мыслимы без компьютеров. “На коне” будет тот, кто быстрее считает и лучше целится. Но вот незадача – нужны ли современному человечеству войны, как и одуряющий переизбыток товаров, контактов и торговых центров?

Может быть, пора уже нам сбавить скорость уничтожения планеты сверхпотреблением? Не производить одуряющее море шмотья и летящих по мёртвому морю асфальтовых удавок быстроходных кусков железа и пластика с тучами выхлопных газов, которые могут и нас самих скоро *выхлопнуть* с планеты Земля? Может, лучше направить усилия на оздоровление природы, борьбу с лесными пожарами, устройство в городах скверов и парков со свежим воздухом, цветами, фонтанами и пением птиц?

Как здесь не вспомнить стихотворение замечательного поэта Николая Зиновьева “Безделье”:

*Я весь день лежу под ивой,
Мне в глаза летит пыльца.
Я порой рукой лениво
Муравья смахну с лица.*

*Облака ползут волнами,
Но не жжёт мне душу стыд —
Знаю: нашими делами
Бог уже по горло сыт.*

Совершенно бесспорно, что компьютеризация нужна науке, но открытия совершают не операторы и программисты, а единичные гениальные мыслители, на которых работает армия счётчиков и учётиков. Настоящий учёный, как и настоящий руководитель, дипломат, писатель, художник, может состояться, если только он оберегает себя от компьютерно-интернетной рутины.

Интернет – это и “Евгений Онегин”, и грязная порнография. Но зараза распространяется, как известно, сама и может переходить в повальную эпидемию, а за здоровье нужно бороться всю жизнь.

Как сформировать у потребителя интернет-ресурсов здоровый интерес? Очевидно, что школьнику и студенту нужен квалифицированный проводник в этом безбрежном и штормовом море добра и зла. По-видимому, “ключ” от компьютера до определённого возраста должен быть только у родителей и преподавателей, а не у самих детей, как это заведено в якобы либеральном обществе.

Иначе беспощадные электронные сети выловят всех талантливых и непохожих, оставив в бурном водоёме жизни одних духовных недорослей.

* * *

Возвращаясь к дискуссионной теме телепередачи “Культурная революция” “Цифровое поколение” думать не научишь”, закончу словами старшего из её участников – Якова Леонидовича Шрайберга, генерального директора Государственной публичной научно-технической библиотеки России: “Сейчас мы ещё можем в конце темы поставить вопросительный знак, а через пять лет придётся ставить восклицательный”.

От редакции: поздравляем нашего автора Виктора Бронштейна с присвоением ему звания “Почетный гражданин города Иркутска”.